

От сентября до сентября

в графическом цикле
Вадима Меджибовского

Слева: "Подарки на Пурим". Справа: "Прощание"

Штетл – это в переводе с идиш "местечко". То самое местечко, которое мы так любим в еврейской литературе, живописи, песнях и танцах. А еще это название цикла работ Вадима Меджибовского, одного из лучших наших книжных графиков, а также режиссера-аниматора (наверное, многие помнят фильм про умную собачку Соню).

Я неслучайно упомянула об анимации, потому что это не просто вторая профессия, это способ видеть мир глубоко, цельно и в то же время подробно. Собственно, эти подробности, казалось бы, и составляют всю прелесть работ, которые так хочется подолгу рассматривать...

Поводом для того, чтобы написать четырнадцать холстов, как это часто случается, стал заказ на еврейский календарь. Инициатива принадлежала писательнице Дине Рубиной. Но заказ действительно оказался лишь поводом для того, чтобы показать нам то, что давно хранилось в душе, досталось от дедов и прадедов, как говорится, впитано с молоком матери – нет, не матери, а мамеле с картинке, которая так и называется – "Мамеле", а второе ее название – "Кольбельная", есть такая нежная песня "My Yddishe Mama", ее пели сестры Берри. Та самая еврейская мама, для которой главное – накормить.

К сожалению, выставка, как это часто делается, была однодневной, провисела всего несколько часов в Концертном зале "Россия", где в тот день праздновали Рош а-Шана, еврейский Новый год. Но зато остался календарь, который можно перелистывать и подолгу рассматривать репродукции.

Еврейский год, если кто не знает, начинается не с января, а с сентября – хотя это понятно уже из предыдущего абзаца. Первый персонаж, которым открывается наступивший, 5763-й год, – Ешиботник, вечно голодный студент, у Зингера есть такой рассказ – "Энтл – ешиботник". Заканчиваются год и календарь тоже сентябрем и картинкой "Шаббат Шалом", приходом Субботы, одного из главных еврейских праздников, когда зажигаются свечи и на небе появляется первая звезда.

А между сентябрем и сентябрем идут другие месяцы с их буднями и праздниками, "Светом Хануки" и "Подарками на Пурим", – еще один кусочек той России, которую мы потеряли (а где же еще быть еврейскому местечку, как не в той России...) Идет жизнь, наверное, бедная и трудная, но и в ней есть столь-

ко своих радостей! У кого-то они мелкие – как у торговца с картинке "Долгожданный покупатель", одного из тех торговцев подержанной одеждой, которые весь товар надевали на себя, потому что не было денег арендовать место на рынке, – у кого-то большие, как на картинке "Свадьба".

Снова и снова перелистываю страницы, месяц за месяцем.

Вот "Меламед", учитель в хедере, еврейской начальной школе, а на самом деле – Учитель в широком смысле слова. "Я старался сделать его похожим на Норштейна, – сказал Вадим Меджибовский. – Он даже сходство с собой в этом персонаже нашел". Краски теплые, земляные, деревянные, и буквы в раскрытых тетрадках того же теплого оттенка дерева, и ангел стоит за плечом мальчика, помогает ему постигать науку, а вечная еврейская местечковая коза потихоньку таскает и жует страницы книги...

Вечному еврейскому портному ангел помогает вдеть нитку в иголку, а еврейскому музыканту Александру Герцовичу (тут, я думаю, и пояснять, откуда скрипач с таким именем взялся, не надо) роняет в шляпу звезду. В феврале он лепит с детьми снежную бабу, и снег такой чистый, белый, какой бывает только в детстве (моя подруга и автор нашей газеты Александра Турган замечательно сказала об одном хорошем человеке: "он – как детский снег"), снег не как теперь, когда зима – это сырость и слякоть...

Вот горестная страница – "Прощание", еще не забытое многими из нас ощущение расставания навсегда, пусть не так, с машинкой "Зингер" как главным богатством и с самоваром в обнимку, но совсем еще недавно в "Шереметьеве" наши родители настолько похоже прощались с друзьями и близкими, не надеясь больше никогда с ними встретиться.

А вот и снова сентябрь с субботними свечами, досмотришь до конца – и снова начинаешь перелистывать страницы, не желая расставаться с полюбившимися историями, потому что каждая картинка здесь – история, которую сам себе рассказываешь, собирая из собственных воспоминаний, обрывков песенок, вкуса печенья – но это уже, кажется, навеяно не столько Шолом-Алейхом, сколько Прустом...

Александра
ВАСИЛЬКОВА

Культура. – 2002. – 12-18 сент. – с. 8